

В Пространстве в горчичном зерне послышался встревоженный голос Цзян Ую:

— Ваньинь, ты же уже освоил полет на мече, к тому же при тебе столько талисманов! Как ты умудрился свалиться в яму да еще и разбить лоб?

Говоря это, она прикладывала к шишке на лбу Цзян Чэна вареное яйцо. Тот опустил глаза и смущенно пробормотал:

— Там было слишком темно, я испугался и совсем забыл обо всем.

Цзян Ую изумленно воскликнула:

— Ого! Ты боишься темноты? Но ведь на горе Дафань ты держался так достойно! Ты был невероятно храбр!

Цзян Чэн ответил едва слышно:

— На горе Дафань ты была рядом, и мне было спокойно. А прошлой ночью тебя не было, ты все время спала, и я не знал, проснешься ли когда-нибудь...

Он не договорил, голос его дрогнул, и на лице отразилась горькая обида. Цзян Ую поспешно обняла его, пытаясь утешить. Неизвестно, было ли это связано с тем, что ее душа только недавно обрела целостность, но она стала необычайно чувствительной. Эмоции Цзян Чэна мгновенно передались ей, и, чувствуя, как к горлу подступает ком, она дрожащим от жалости голосом произнесла:

— Все хорошо, я вернулась. Теперь я снова буду рядом. И Вэй Усянь тоже вернулся целым и невредимым, теперь мы можем быть спокойны.

С тех пор Цзян Ую, погрузившись в усердные исследования, создала особую технику культивации: стоило сложить определенную печать, как вокруг разливалось ослепительное сияние. Человек становился похож на мощную электрическую лампочку — и все это лишь для того, чтобы Ваньинь больше не боялся темноты. Позже этот жест стал незаменимым навыком для всех заклинателей: в быту, в путешествиях и во время ночной охоты. Цзян Чэн довел владение этой печатью до совершенства, достигнув уровня, когда его слова и жесты обретали истинную силу.

Ваньинь хмыкнул, шмыгнул носом и тут же просиял. Детская печаль, словно летний ливень: быстро приходит и так же быстро уходит. Он рассказал Цзян Ую, что теперь они спят в одной комнате с Вэй Усянем, и тот пообещал рассказывать ему истории о том, что видел и слышал за этот год странствий.

— Значит, теперь и у меня будут сказки на ночь, — с теплотой в голосе проговорила Цзян Ую, погладив Ваньиня по голове.

Вэй Усянь никогда не рассказывал о тяготах, выпавших на его долю. Он всегда весело описывал обычаи, нравы и еду в разных краях, а Цзян Чэн слушал его с нескрываемым

восхищением. Постепенно их дружба крепла, а истинная натура Вэй Усяня раскрывалась все ярче. С его появлением юноши из Юньмэна совсем отбились от рук: лазали по горам за курами, ловили рыбу в реках. Вэй Усянь также проявил удивительный талант на тренировочном поле, и Цзян Чэн искренне радовался за него. В этой жизни Госпожа Юй не прибегала к своим обычным язвительным насмешкам, которые раньше так ранили Цзян Чэна.

У Вэй Усяня появилась странная цель — во что бы то ни стало нарядить Цзян Чэна в платье Цзян Яньли. Он искренне считал, что с такой красотой (хотя сам он тоже был весьма хорош собой) его шиди будет выглядеть еще прекраснее. Цзян Яньли лишь улыбалась, позволяя им дурачиться.

В конце концов, после упорных уговоров Вэй Усяня, они устроили соревнование по плаванию. Цзян Чэн выложился на полную, приложил все силы, но... проиграл. В качестве наказания Вэй Усянь потребовал, чтобы Цзян Чэн в женском наряде исполнил мелодию на пипе. (После случая с собаками Цзян Чэн как-то раз уже играл для Вэй Ина, пытаясь извиниться, и с тех пор тот не давал ему покоя).

Цзян Ваньинь принялся упрямитесь, притворяться мертвым и ластиться к Цзян Ую, настаивая, что раз уж он участвовал в соревновании, то теперь очередь за ней. Цзян Ую пришлось взять удар на себя. Боясь гнева матери, трое братьев и сестер под покровом ночи отправились к озеру, подальше от людских глаз. Там часто швартовались лодки, и звуки музыки не привлекали особого внимания. Цзян Чэн взял с них клятву: об этом будут знать только Небо, Земля, Вэй Усянь, Цзян Яньли и он сам — никому больше ни слова.

В назначенный вечер появился изящный, словно фарфоровая куколка, ребенок с пипой в руках. Его лицо было настолько прекрасным, что невозможно было отвести взгляд. Он опустил ресницы, сел на прибрежный камень, и стоило его тонким пальцам коснуться струн, как раздался звонкий, пронзительный звук.

Мелодия началась робко, словно первые капли дождя, но вскоре наполнилась чувствами — печальными, нежными, словно журчание ручья или глубокая тоска, проникающая до самых костей. Музыкант играл, то опуская голову, то перебирая струны, и легкий ветерок, напоенный ароматом лотосов, казалось, запутался в его развевающихся одеждах. Светлячки, словно следуя невидимому зову, окружили его, освещая этот маленький мир, будто боясь, что исполнитель не увидит струн.

Внезапно музыка оборвалась, словно стремительный поток, скованный внезапным морозом. А когда показалось, что все кончено, пипа вновь отозвалась звоном — словно разбился серебряный кувшин, или раздался лязг мечей в гуще сражения. В самый напряженный момент звуки смолкли так же внезапно, как и начались.

Цзян Чэн закончил играть и поднял голову. Оказалось, что вокруг стало светло от фонарей, а на воде собралось множество лодок. Увидев, как «девочка» посмотрела на них, толпа взорвалась восторженными криками. Вэй Усянь был самым шумным: он прыгал и размахивал руками.

— Ах! Шимей! Не зря ты моя шимей! Как же здорово! Шимей...

Цзян Чэн, которому стало невыносимо стыдно за такое поведение Вэй Усяня, бросил взгляд на сестру, которая улыбалась, как добрая матушка. Его охватил гнев, и белые, как нефрит, щеки залил яркий румянец.

— Иди к черту со своей шимей! — рявкнул он, пнул Вэй Усяня в воду и, прижимая к себе пипу, бросился наутек.

Вслед ему доносились голоса: Цзян Яньли звала А-Чэна и одновременно пыталась вытащить из воды барахтающегося А-Сяня.

— Ваньинь, не стесняйся! Ты так красиво играл, правда! Ну же, Ваньинь! — Цзян Ую нарочно дразнила его, мурлыча прямо над ухом.

На самом деле играть должна была Цзян Ую, но после пары неумелых щипков Ваньинь не выдержал — он боялся, что она опозорит его любимый инструмент. Поэтому мелодию исполнял Цзян Чэн, а Цзян Ую, находясь в Пространстве в горчичном зерне, подыгрывала ему на кунхоу, намеренно выпуская звуки наружу. Так что слушатели слышали сразу два инструмента.

Те, кто слышал ту музыку, потом искали по всей Поднебесной, но больше никогда не встречали подобного звучания пипы. Однако в той толпе оказался один человек, которого никто не ожидал увидеть, и это привело к череде событий, предвидеть которые было невозможно. Но это уже совсем другая история.

— Второй господин, те трое детей — это старшая дочь клана Цзян Цзян Яньли, молодой глава ордена Цзян Чэн и Вэй Усянь. Та, что с пипой — молодой глава...

Юноша помрачнел и тихо произнес:

— Что ж... Выдвигаемся. В Цинхэ.

<http://bllate.org/book/21513/2206488>